

СУББОТНИЙ РЕПОРТАЖ

Самокатом в Прагу

Вчера на стадион Дружбы народов ВДНХ СССР прошел второй международный фестиваль любителей конструкций. Мероприятие этого автолюбителя, посвященного 75-летию ВЛКСМ: Москва—Прага—Москва.

Первое путешествие подобного рода состоялось три года назад. Наши «самодельщики» откатали тогда 6.000 километров по территории СССР и Болгарии, привезли в конструкторские бюро призы, учрежденные за высокие достижения в области самодельного технического творчества.

Ничего в путь отправились десять автомобилей, изготовленных руками умельцев Москвы, Харькова, Тбилиси, Еревана, Чебоксар, Симферополя, других городов. Машины разные по классу и назначению — от молодежных автомобилей спортивного типа до малотоннажных автобуса-грузовиков, которые так не хватает сельскому хозяйству. Есть тут и амфибия. А семья Хучумян — отец с сыном — создали настоящую дачу на колесах с максимальной возможной комфортностью. Вместе с самодельными моделями Минитопом взял на себя часть расходов по пробы (за топливо в валюте), направил своих инженеров-испытателей, чтобы присматривались к помпиду и наладили тесные контакты с умельцами.

Группу представителей автомобильной промышленности возглавлял один из ведущих конструкторов Центрального научно-исследовательского автомобильного и автомоторного института (НАМИ) В. Ридер. Напутствовали в до-

рогу постоянный администратор самодельщиков — журналисты «Техники молодежи» и ведущие телепрограммы «Это вы можете». Разумеется, речь идет не о соревновании в прямом смысле слова. Разве может тягаться семья или даже клуб с мощными конструкторскими корпусом, оснащенными передовой техникой, электроникой? И тем не менее негласное соперничество существует. А в последние время открываются возможности для сотрудничества в области автомобилестроения не только в кооперации.

Налицо положительные сдвиги. Ведь технический застой бывает в двух случаях: либо из-за нехватки свежих прогрессивных идей, либо из-за прохладного отношения общественности к этим идеям.

— Автопробег задуман как своеобразный семинар на колесах, — сказал начальник колонны И. Туревский. — В больших городах, лежащих на пути пробега, будут организованы встречи с местными «кулибиными». График движения колонны — не для установления рекордов, но достаточно напряженный — 300 километров в день.

Представляется символическим, что провозили автопробег машины «арьер», изготовленные не менее искусными мастерами. А главными зрителями были мальчишки — заставшие конструкторы, технологи, дизайнеры... В добрый путь, умальцы!

С. БОГАТКО.
(Корр. «Правды»)
Перед стартом. Николай Титов — представитель харьковского клуба «Вечный пилот». Фото А. Худасова.

Небольшая служебная база отдыха в окрестностях Москвы была последняя. Ее обитатели уже знали, что если закончится дачный сезон, как все эти старые деревянные дома и домики, прочно вросшие в землю под шатрами кровли столетних сосен и красавцев кленов, побудут на холме. Не успеют и эти выжженные, задыхающиеся карликовые деревья, жемчужины и жемчужины, в которых по косям упираются, — все ляжет под нож бульдозера, все немощное обречено на гибель, всему придет конец. На месте обветшавшей постройки возведут потом железобетонные коробки восточного типа с полным набором коммунальных удобств, о ком и помыслить не слезы обитатели прекрасного дачного поселка.

Что ж, еще Пушкин философски заметил: «Все чередом идет определенной, всему пору, всему свой миг...». Старое старится, отжив отпущенный срок, новое нетерпеливо стучится в двери и лихо радостно спешит расстаться с прошлым. Спешит бесцельно и бездумно, не утруждая себя здравомыслием и радостно жертвуя неприязнью патриархальной простотой, столь желательной для души, оглушающей городской грохотом и гарью, ради обещанного комфорта. О эта суетная, торопливая погоня за благами цивилизации — бог весть, приведет ли она человека к счастью?

«Всему свой миг...» Дома, как и люди, рождаются, живут, старятся и умирают. Но заметил ли мы, как много грусти в обреченных домах, давших приют не одному поколению, в какой пронзительной полнотой горечью веет от застывших, предвещающих их близкий конец? Дачный поселок еще жил, в нем обитали люди, в нем решительно на всем вокруг лежала печать надвигающегося конца. Домик заросла крапивой в человеческий рост, поглотив разбитые некогда овощные грядки, утопившие между крестьянского труда у огородников-любителей. Асфальтовые дорожки были изрыты колеями грузовиков, засыпаны пылью, дождя превратились в ливень на зноем, месиво, разноем подшаманенных в доме, в столбовую, в душевую, в туалет оставшаяся неприкосновенной для человека ошущенные временности его пребывания в неуютно сильное даже, чем надвигающаяся разруха, восторг в жизни поселка дух уныния и упадка. «Вы бы хоти крапиву выкосили. Комары от нее спасу нет, да и все ноги до колен в водолыжку», — пожаловалась пожилая дама, которая в целомской куртке-кажанде (и как это ныне, замечу в скобках, раде добры

грозил их на тачку и отвозил куда-то на задний двор. Потом он встал за лопату, раскопал над шлаком дорожки, вымыл в асфальте засыпав щебенкой, потом песком и плотно утрамбовал. Затем очередь дошла до мели, и к полудню на обширном заупокоенном дворе не осталось ни соринки... Так оно и повелось. Каждую свою смену новенький трудился упорно, неутомимо, как муравей, и мало помалу все кругом преобразилось, обрело живую, ухоженный вид. Седой и не думал утомиться. Он починил и покрашил велосипед краской, развешив садовые скамейки и столы, отремонтировал сигнализацию, заменил давно пе-

О ПРОСТЫХ ВЕЩАХ

Новый сторож

По правде сказать, я не знаю более высокомерной публики, чем златошеры обслуги ближних окрестностей. Дачный поселок еще жил, в нем обитали люди, в нем решительно на всем вокруг лежала печать надвигающегося конца. Домик заросла крапивой в человеческий рост, поглотив разбитые некогда овощные грядки, утопившие между крестьянского труда у огородников-любителей. Асфальтовые дорожки были изрыты колеями грузовиков, засыпаны пылью, дождя превратились в ливень на зноем, месиво, разноем подшаманенных в доме, в столбовую, в душевую, в туалет оставшаяся неприкосновенной для человека ошущенные временности его пребывания в неуютно сильное даже, чем надвигающаяся разруха, восторг в жизни поселка дух уныния и упадка. «Вы бы хоти крапиву выкосили. Комары от нее спасу нет, да и все ноги до колен в водолыжку», — пожаловалась пожилая дама, которая в целомской куртке-кажанде (и как это ныне, замечу в скобках, раде добры

регоревшие лампочки на столбах в проделав еще тысячу всяких мелких работ в усовершенствовании, без которых поселок обитатели как бы отключались назад, к пещерному веку. Маленький старый поселок посреди сосен и кленов, готовый к закрытию, не сокращался, а почему-то рос, возникали новые новые штатные единицы, без которых раньше обходились без труда — за всем этим таинственная некая административная тайна, недоступная простому смертному. Для непосвященных было очевидно одно: штат разбухал, а порядок убывал, как шагреньная кожа. Срабатывало древнее правило: «У семи нянек дитя без глаза». Наступала эра очинения. Корабль, то бишь база отдыха, медленно, но неуклонно погружалась в пучину бесхозяйственности.

Но однажды ранним утром обитатели поселка проснулись в тихую ахулу. Что-то в мире определенно изменилось. Появилось новое лицо, и вело оно себя непривычно. Пожилой незнакомец, высокий, седой, с очками на носу, неторопливо, но сноровисто выкашивал крапивные джунгли,

которой: «где бы на работе, лишь бы не работать...» В новом стороже сохранилась старая трудовая этика и культура, его интеллигентность и чуждость к мусору. Да ведь и то сказать, лишь мнительные свобы гаушались «черной работой», истинный же труженик с широким кругозором никакое дело не считал для себя унизительным, он старался одного: выполнять работу с душой. Рукава. Молчаливый, серьезный, несуетливый, деловой, сдержанный, приветливый сторож-истинник-дворник Николай Гаврилович стал поистине добрым гением отживавшего века поселка. Да и на до было посылку посылать, если есть такие простые, доступные и недорогие средства продлить его жизнь на годы вперед.

«Всему свой миг...» Недавно я навестил престельный уголок, где недавно еще под сенью медовых сосен и в рядышком кленов, в густых зарослях жимолости и дикоросов неторопливо текла такая дачная жизнь. «Привет спокойствия», где ты? Что с тобой сотворили люди в погоне за благами цивилизации и городского комфорта? Не было больше кленов, на немощных уцелевших соснах мощные наелезшие оставили длинные равные рамы с засохшими ручьями смолы — точно застыли до земли окаменевшие осы. Корневая система деревьев бурными патами свисала в разрывы рвы будущих коммунальщиков. Исчезли кусты шиповника и жимолости, все поглотив торпор. Посреди свежей глинистой пустыни, развороченной колесами грузовиков, высился скупый серый бетонный барак — два этажа — будущее легкое пристанище служивых «дачников». Возле холодной котельной скучал незнакомец — мужчина средних лет, надо полагать, новый истинник. «А Николай Гаврилович когда на смену заступит?» — спрашиваю. «Он здесь больше не работает», — был ответ.

Если такие, как Николай Гаврилович, не уважаются и не «срабатываются», тогда, конечно, надо же помыслить, обо нем подержать порядок. Вот только новое научилась бы строить так, чтобы не калечить ни судьбы, ни природу. С большим умом и неравнодушным сердцем надо возводить новое, а иначе не стоит и огород городить — выйдет и людям, и земле дороже.

Вера ТКАЧЕНКО.

Назир Гаязович ЖИГАНОВ

Советское многонациональное музыкальное искусство понесло тяжелую утрату. На 78-м году жизни скончался выдающийся советский композитор, Герой Социалистического Труда, народный артист СССР, лауреат Государственных премий СССР, секретарь правления Союза композиторов СССР, ректор Казанской государственной консерватории Назир Гаязович Жиганов.

Верный сын Коммунистической партии, Н. Г. Жиганов всю свою жизнь посвятил развитию советского музыкального искусства, утверждению идеалов социалистического гуманизма и интернационализма.

Н. Г. Жиганов родился 15 января 1911 года в городе Уральске в семье рабочего. В 1938 году окончил Московскую государственную консерваторию.

Уже в первых